

И. К. Адаев

СУДЕБНЫЕ РЕШЕНИЯ КНЯЗЕЙ КАК ИСТОЧНИК ДРЕВНЕРУССКОГО ПРАВА

I. K. Adaev

PRINCES COURT DECISION AS A SOURCE ANCIENT RUSSIAN LAW

В статье рассматриваются общественные отношения, возникшие в древнерусском обществе и государстве и нуждающиеся в правовом регулировании. Изучается процесс формирования механизмов правового регулирования жизни восточнославянского общества, становление государственно-правового статуса князя, определившее характер древнерусской государственности и влияние на последующее развитие государственных институтов. На основе фактического материала доказывается, что уставная деятельность князей и исходящая от них судебная практика привели к преобразованию действующего права. Анализируются особенности судебных решений древнерусских князей, позволяющие выделить его среди других источников права.

Ключевые слова: древнерусское право, источник права, судебные решения князей; судопроизводство.

The article deals with public relations arising in the ancient society and the state, and in need of legal regulation. We study the process of formation of mechanisms of legal regulation of the life of Eastern Slavic society, the establishment of state-legal status of the prince, determine the nature of ancient Russian state and the impact on the subsequent development of state institutions. On the basis of factual data prove that the princes and statutory activities emanating from these judicial practice have led to the transformation of the existing law. The peculiarities of judgments of ancient princes, allowing to allocate it among the other sources of law.

Keywords: Ancient Russian law, a source of law, judicial decisions of Princes; proceedings.

Древнерусское право, как и любое другое право, возникает в момент появления Древнерусского государства. Древнерусское право развивалось из тех общественных отношений, которые складывались на Руси, закрепляли порядки, которые были присущи древнерусскому феодальному обществу. Древнерусское законодательство образовалось из обычного права, которое на определенном этапе развития приобретало правовой характер, задачей которого было охранять личность и имущество членов общества.

Исторические данные свидетельствуют о сложных многоступенчатых процессах формирования механизмов правового регулирования жизни восточнославянского общества.

Организация и характер судопроизводства Древней Руси в большей степени определялись спецификой складывания и политического устройства Киевского

государства. На формирование древнерусского права воздействовало несколько факторов: община (сельская и городская) как главная социальная организация древнерусского общества, хранившая традиционные правовые институты и обычаи; власть князя, олицетворявшая собой государственную власть; и, после принятия христианства, — Русская православная церковь, берущая за основу хорошо отработанную систему канонического права. Но в течение всей стадии существования Киевской Руси источником обычного права был, безусловно, правовой обычай, нормы которого всегда органично связаны с религиозными и моральными нормами, господствовавшими в обществе. Именно поэтому, отмечает З. И. Еникеев, «нормы обычного права в глазах членов общества обладали непререкаемым авторитетом и отвечали представлениям о высшей справедливости» [7, с. 99].

Однако первобытное общество постепенно изменялось, отношения между сородичами усложнялись, а жизнь рода становилась все менее замкнутой. Еще В. О. Ключевский упоминал о том, что в процессе своего расселения славяне явно утратили родовую организацию и постепенно перешли к объединению на базе соседской территориальной общины [8, с. 130].

Вероятно, на рубеже VIII—IX вв. на смену родовой организации восточных славян пришла соседская (территориальная) община, объединявшая представителей нескольких племен, но основу ее составляли все те же кровные родственники, помнящие свое родство и хранящие родовые обычаи. Существенно изменился характер социальной организации. Она утратила свои основные черты — замкнутость и обособленность. В процессе длительной миграции восточным славянам пришлось поменять не только свой хозяйственный уклад, превращаясь из земледельцев в охотников, купцов и воинов, но и форму социальной организации — от первых надобщинных структур в виде племени к более сложным — союзам племен (протогосударствам).

Одной племенной традицией и обычаями рода на стадии протогосударства уже было не обойтись. Появилась потребность в организации новой, более сложной системы регулирования общественных отношений, которая бы распространялась не только на кровных родственников, но на всю территорию, занимаемую взаимодействующими между собой людьми. А значит возникла насущная необходимость во власти и праве, самой первой и основной формой которого стало право обычное. Полномочия власти со временем все больше расширялись и укреплялись вместе с развитием государства, получая опору в правовых институтах.

В настоящее время многие исследователи сходятся во мнении, что на этапе существования союза племен у восточных славян уже функционировали обычно-правовые системы, которые обеспечивали юридическое регулирование социально-экономических и правовых отношений в каждом племени [1]. Отмечая важную регулятивную роль обычая в обществе, М. Н. Марченко подчеркивает, что он «выступает как неразрывная составная часть единой системы обычаев, всех социальных норм, существующих и функционирующих в обществе на том или ином этапе его развития» [9, с. 466].

Г. Эверс начал свой очерк древнейшего права с факта призвания князей. В самом деле, только с этих пор возможна некоторая твердость заключений, к этому времени относится первый подлинный памятник юридического быта.

Призвание князей составляет событие первостепенной важности для начала права. Данному событию предшествовала усобица. Усобица сменялась соглашениями — непрочными, так как не было власти, которая указывала виноватого, когда та или другая сторона отступала от условий договора. Каждая из сторон, по внутреннему убеждению в правоте, должна была обращаться к оружию, и торжество на время оставалось за теми, кто сильнее.

По верному замечанию С. М. Соловьева, во внутренних спорах нужен третий, посторонний. Этим третьим лицом и явились по летописи варяжские князья. В весьма наивной форме передается летопись о призвании князей, но за этой наивной формой скрывается факт исторической важности: племена славянские и финские, расселившиеся на восточной равнине Европы, нуждались в некотором мире и порядке, этот мир и порядок мог быть куплен только путем усиления верховной власти, а усиление это всего легче могло быть достигнуто появлением среди них посторонней силы, могущей встать над борющимися племенами, объединив мирно одних, покорив силою других.

Призвание князя было первым шагом к формированию государственного права.

Схема развития власти князя как главы государства была исследована в свое время И. Я. Фрояновым [15, с. 188]. Трансформация власти племенного вождя в государственную власть проходила по мере того, как он начинал узурпировать компетенцию родоплеменных органов самоуправления. Внешние выражения этого были различными. Они касались правотворческой деятельности князя, формирования принципа обязательности судебных решений, внешнеполитической деятельности и укрепления в связи с этим военного ведомства, а также других аспектов. Конечным результатом было формирование государственно-правового статуса князя, во многом определившего характер древнерусской государственности и оказавшего влияние на последующее развитие государственных институтов.

С расслоением общин, обособлением индивидов возникла необходимость в защите каждого члена общества. Такую обязанность взял на себя князь. Эта функция

древнерусских князей связывается прежде всего с самостоятельной судебной-административной деятельностью князей и подчиненных ему должностных лиц, а также с воздействием княжеской власти на деятельность каждого члена общества, олицетворяет собой защиту от каких-либо посягательств, а также санкцию в виде кары, не зависящей от системы наказаний обычного права (например, установление повышенной ответственности за убийство лиц княжеской администрации по сравнению с мерами ответственности за убийство свободного). Княжеское право, защищая членов общества от каких-либо посягательств, не противопоставляется обычному праву, а составляет необходимое дополнение последнего по мере усложнения жизни и возникающих в ней новых отношений.

В силу своего положения (верховой власти на определенной территории) князь на деле являлся самым действенным правоприменителем в период формирования отечественной государственности, его становление как органа отправления правосудия стало абсолютно естественным результатом развития общественно-правовой системы [6, с. 42].

Право суда — одна из важнейших и древнейших прерогатив княжеской власти.

Какова была власть князя по отношению к суду — трудный вопрос по недостаточности данных.

Древние зачатки нашего права сохранились в договорах Олега и Игоря, где есть пять статей, определяющих главные преступления первобытного общества:

1) Русской-ли убьет христианина или христианин руссаго, да умрет на том месте, где он совершил убийство. Если же убийца скроется, то, буде он домовит, да возымет ближайший родственник убитого часть убийцы, то есть какая будет ему приходится по закону; но и жена убийцы да получит часть, какая следует ей по закону. Если же сделавший убийство и скрывшийся не имеет собственности, то да остается под судом, доколе не отыщется, и в след за тем да умрет.

2) Если же ударит кого мечем или зашибет каким-нибудь орудием, да заплатит за сие ударение или побои пять литр серебра по закону русскому. Если же сделавши не имовит, то да заплатит сколько может; да снимет с себя и ту самую одежду, в которой ходит, а по отношению к остальному да клянется по своей вере, что никто из посторонних не поможет ему; с того времени да прекратится взыскание по долгу.

3) Когда русской украдет что-либо у христианина, или христианин у руссаго, и вор в ту минуту, как он делает покражу, будет пойман хозяином вещи, и если вор, делающий покражу, начнет сопротивляться и будет убит, то да не взыщется смерть его ни от христианина, ни от руссаго, а напротив еще лишившийся вещи да возьмет обратно свое. Но если вор не станет сопротивляться, то да будет взят тем у кого украл он, да будет связан и да отдаст за то, что осмелился сделать.

4) Если кто из христиан или русских покусится на насилие и возьмет что-нибудь у другого силою, да отдаст за то втрое.

5) Если кто из работающих в греках руси у христианского царя умрет, не урядив своего имения, или не будет иметь подле себя ближних; то возвратит имение его к малым (иногда милым) ближникам в Русь [10, с. 159—160].

Вот пять статей, в которых заключается все право первобытного народа. Без всякого сомнения, эти статьи по своему складу и содержанию принадлежат к законодательству первобытного племени.

Первобытные законодательства у всех народов так сходны в главных положениях, что их можно считать почти одинаковыми у всех народов, как вытекшими из одних и тех же условий.

Все вышеприведенные статьи одинаково можно отнести к правовому сознанию руссов и славян.

Неоспоримо, что высшим источником судебной власти были князья, и прерогатива суда была одной из древнейших прерогатив князя. Но на кого распространялись эти прерогативы? На всех свободных людей, так как рабы, составляя частную собственность, судились у своего господина. Но и рабы подлежали суду князя, если совершили уголовное преступление. Правда внуков Ярослава говорит: «если будут холопы ворами, то судит князь» [12].

Ярослав и его дети по преимуществу занимались законодательством о праве. На долю внуков Ярослава и их лучшего представителя — Владимира Мономаха выпала обязанность устроить правильное судопроизводство.

Князь выступал как охранитель тишины и спокойствия, более всех был заинтересован в ненарушении мира. Государство стремилось уничтожить личный произвол и самосуд и защитить личность, насколько оно само понимало возможность такой защиты.

Древняя Русь придавала особое значение личному суду князя, так как усложнение и видоизменение в общественной

жизни, что особенно активно происходило в городских центрах, создавало ряд новых правовых вопросов, не укладывающихся в прокрустово ложе норм обычного права [4].

По мере изменения социально-экономических потребностей возрастала необходимость справедливого и стабильного правоприменения, что способствовало усилению роли судебной практики князей.

По мнению В. И. Сергеевича: «Народ сознает свою неспособность устроиться без князя и вместе с тем понимает необходимость дать ему высокое положение в своей среде, без чего не было бы возможно достижение в своей среде, без сего не было бы возможно достижение целей призвания; князь есть народная власть» [13, с. 414].

«Князь — необходимый элемент в составе государственной власти всех русских земель; ни одна из них не может обойтись без князя» [5, с. 384].

Княжий суд не обязан при решении каких-либо вопросов прибегать к нормам обычного права. А. Е. Пресняков отмечает: «Случаи сложные, неясные, новые, случаи, при которых применение обычного права привело бы к явной несправедливости, — вот прежде всего область княжеского решения. Это *judicium aequitatis*, решение по справедливости, игравшее существенную роль в развитии права у всех народов. Это фактор творчества нового права путем прецедентов, каковыми становились отдельные княжеские приговоры» [11, с. 413]. Княжий суд более гибкий, выступает творческим фактором в развитии древнерусского права. Судебные решения применяясь к ряду новых сходных случаев, обобщались и вырастали до значения новых норм права.

Таким образом, уставная деятельность князей и исходящая от них судебная практика преобразовывают и видоизменяют действующее право.

Чтобы уяснить факторы, побудившие к такой деятельности князя как судьи,

управителя и законодателя, необходимо понять те явления в общественной жизни Древней Руси, которые порождали положения и вопросы, не решавшиеся обычным правом и требовавшие решения в интересах общего мира.

В течение длительного времени князь не вторгался в самостоятельность общины, однако поэтапно власть князя вошла в замкнутость самоуправляющихся общинных миров. Произошло слияние их в волости, расширяется городская жизнь, торговля, устанавливаются отношения с иностранцами, происходят перемены в социально-экономических условиях древнерусского быта, что вызвало к жизни новое право — право издаваемое князем в виде судебной практики как необходимое дополнение к обычному праву.

Судебные решения князей для удобства использования и сохранения заносят в уставы и своды. В дальнейшем запись становится уставной грамотой, уложением, авторитетным документом с правовым весом.

П. И. Числов и А. Н. Филиппов указывали на княжеские уставы как на один из источников древнерусского права [16, с. 54; 14, с. 107].

А. А. Зимин считает, что если сначала «правовые нормы вырабатывались на основе обычного права, то уже теперь развитие феодальных отношений зашло настолько далеко, что начинает происходить обратный процесс: новое княжеское право, вырабатывавшееся в княжеской и дружинной среде, начинает воздействовать на обычай, разлагая и приспособляя его к изменившимся социальным отношениям» [14, с. 246].

Еще М. Ф. Владимирский-Буданов полагал, что судебные решения основывались в большей мере на обычном праве, «собирая их, составитель собирал постановления обычного права» [3].

По ходу истории появляется новый источник русского права — княжеское законодательство и судебная практика князей [2, с. 89].

Литература

1. Бабенко, В. Н. Правовая основа функционирования судебных органов Древнерусского государства в IX—XV вв. / В. Н. Бабенко // История судебных учреждений России. — М., 2004. — С. 40—76.
2. Беляев, И. Д. Лекции по истории русского законодательства / И. Д. Беляев. — М., 1858.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Ростов н/Д : Феликс, 1995.
4. Глушаченко, С. Б. Становление основ процессуального права и судебных доказательств в России IX—XVI вв. / С. Б. Глушаченко, А. М. Виноградов // История государства и права. — М. : Юрист, 2009. — № 9. — С. 14—19.
5. Дьяконов, М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / М. А. Дьяконов. — СПб. : Наука, 2005.

6. Дьячкова, А. И. Органы судебной власти в эпоху Русской Правды / А. И. Дьячкова // Юридический мир. — 2010. — № 7.
7. Еникеев, З. И. Особенности осуществления правосудия в Башкирском крае в дореволюционной России / З. И. Еникеев // Государство и право. — 2004. — № 1.
8. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. — Т. 1. Курс русской истории. — Ч. 1. — М., 1987.
9. Марченко, М. Н. Теория государства и права : [учебник] / М. Н. Марченко. — М., 2002.
10. Повесть временных лет. Изд. 2-е, испр. и доп. — СПб. : Наука, 1999.
11. Пресняков, А. Е. Княжеское право в Древней Руси / А. Е. Пресняков // Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. — М. : Наука, 1993.
12. Пространная редакция Русской Правды // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до 1861 года / сост. П. П. Елифанов, О. П. Елифанова. М., 1987.
13. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В. И. Сергеевич. — М., 2004.
14. Филиппов, А. Н. Учебник истории русского права / А. Н. Филиппов. — М., 1912.
15. Фроянов, И. Я. Древняя Русь IX—XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть / И. Я. Фроянов. — М. : Русский издательский центр, 2012.
16. Числов, П. И. Курс истории русского права / П. И. Числов. — М., 1914.

АДАЕВ Иван Константинович, аспирант АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», Саранский кооперативный институт. 430027, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Транспортная, 17. E-mail: iwaniij@mail.ru

ADAEV Ivan; postgraduate student ANO VPO Centrosoyuz Russian Federation “Russian University of Cooperation” Saransk Cooperative Institute. 430027, Republic of Mordovia, Saransk, ul. Transport 17. E-mail: iwaniij@mail.ru

For citation: **I. K. Adaev**. Princes court decision as a source ancient Russian law

Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 5(53).2015. pp. 66—70.

